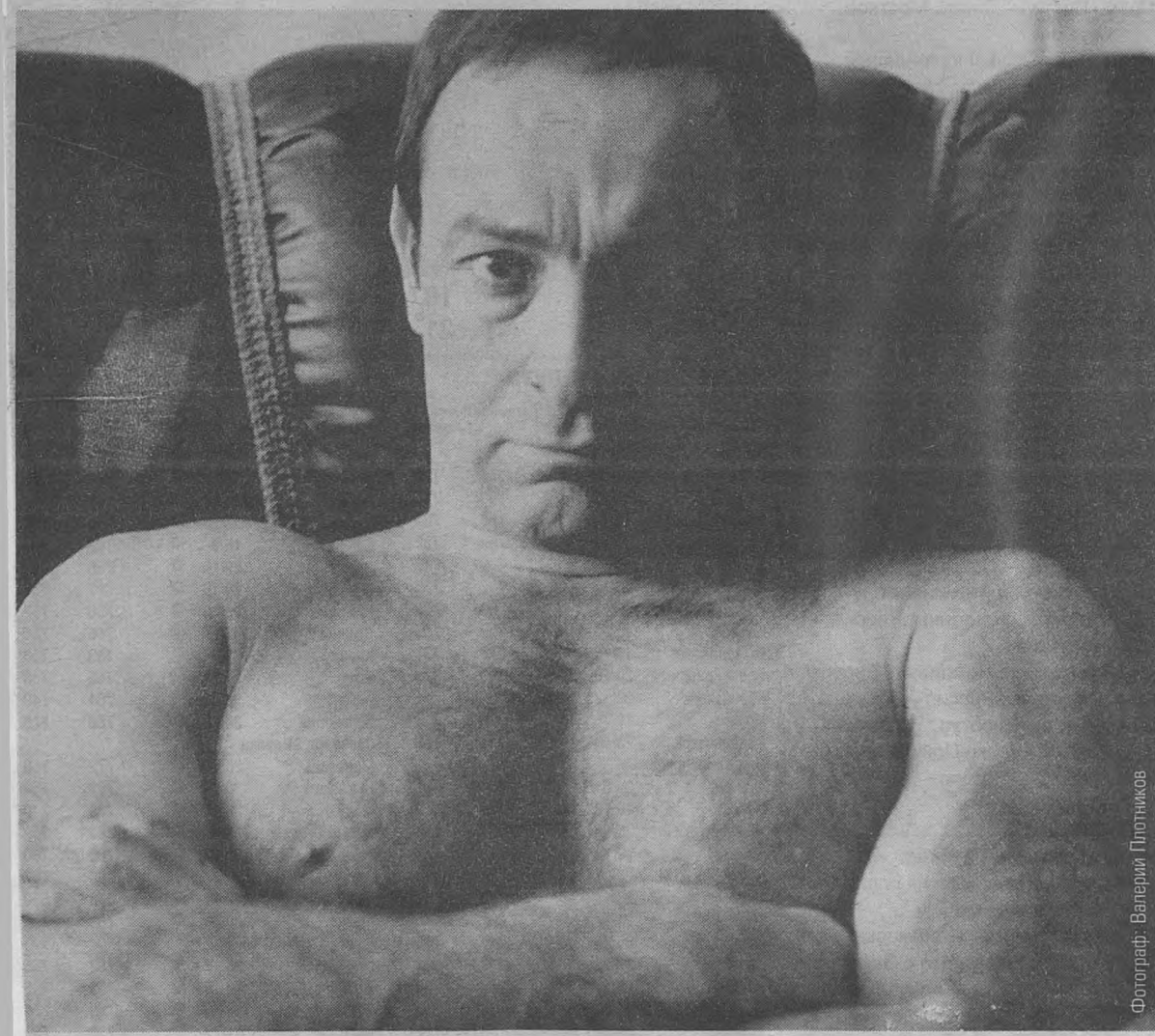

ТРУДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Фотограф: Валерий Плотинов

Валентину Гафту — 70

За Валентином Гафтом, который сегодня справит свое 70-летие, не один десяток лет ходит слава трудного человека. Язык острый, говорит людям в лицо то, что думает, пишет злые и едкие эпиграммы на коллег. К себе, впрочем, Валентин Иосифович относится с той же жадной требовательностью, что и к окружающим. Юбилеи терпеть не может, поскольку считает, что избыток славословий и преувеличенность любовных излияний мешают трезвому взгляду на самого себя. Классический портрет нонконформиста в актерской профессии. Пышную фразу о том, что нужно любить не себя в искусстве, а искусство в себе, повторяют многие, но тех артистов, для кого она служит прямым руководством к действию, можно пересчитать по пальцам. Искусства в себе у любого, даже самого расталантированного актера оказывается всегда до обидного мало, а неискусства гораздо больше. Видимо, поэтому настоящий нонконформист будет, любя искусство в себе, истово ненавидеть все, что не искусство. Жизнь положит на то, чтобы вытравить лишнее. Если начать перебирать фамилии, то таким же подходом к сцене отличался разве что Олег Даль — желание дойти во всем до самой сути в конце концов и погубило его. Не зря, по признанию Гафта, ни одну из смертей в своей жиз-

ни он не перенес так тяжело, как уход Даля: была, видно, какая-то мистическая связь между этими двумя трудными актерами.

В театр Валентин Иосифович угодил по чистой случайности. Уроженец московской улицы Матросская Тишина, он по наивности счел, что, имея двойки в четверти по нескольким предметам сразу, единственное, куда можно сунуться, так это в актеры. Записался в самодеятельность, а поскольку школа была мужская, играл преимущественно женские роли, потому что был кудряв и черняв. Только повзрослев и добившись всего, чего хотелось, он осознал, что сцена не игрушка, а «строчки с кровью убивают», и даже написал собственный символ веры — стихотворное признание в любви к театру:

«Не стыдно ль жизнь, судьбу чужую / Нам представлять в своем лице! / Я мертв, а видно, что дышу я. / Убит и — кланяюсь в конце. / Но вымысел нас погружает / Туда, где прячутся мечты. / Иллюзия опережает / Все то, во что не веришь ты».

Он из тех немногих, для кого театр — это чрезвычайный, серьезный день. По сцене не терпит ни каботинства, ни тщеславия. Знает себе цену и сохраняет репутацию трудного человека. Но это ничего: чем труднее, тем лучше.

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ